

**Дж. Голсуорси**

**Собрание сочинений в 16  
томах. Том 6**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
Г61

Г61 **Голсуорси Д.**  
Собрание сочинений в 16 томах. Том 6 / Дж. Голсуорси – М.: Книга по Требо-  
ванию, 2014. – 552 с.

**ISBN 978-5-458-63028-3**

Содержание: Усадьба (роман). Братство (роман)

**ISBN 978-5-458-63028-3**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



# ЧАСТЬ I

## ГЛАВА I

### ГОСТИ В УОРСТЕД СКАЙНЕСЕ

Тысяча восемьсот девяносто первый год, октябрь месяц, понедельник. Вся площадь перед станцией Уорстед Скайнес заставлена в этот час экипажами мистера Пендайса: карета, коляска, фургон для багажа. Одиноким станционный фонарь бросает свой свет на кучера мистера Пендайса. Его обдуваемая восточным ветром розовая физиономия в густых, коротко подстриженных бачках, с презрительно поджатыми губами, царит над всем, как символ феодальных устоев.

На платформе первый лакей и второй грум мистера Хорэса Пендайса в длинных ливреях с серебряными пуговицами и в лихо заломленных цилиндрах, несколько нарушающих их чопорный вид, ожидают прибытия шестичасового поезда.

Лакей вынул из кармана листок с гербом и монограммой, исписанный мелким, аккуратным почерком мистера Хорэса Пендайса, и стал читать, насмешливо выговаривая слова в нос:

— «Высокородный Джеф Уинлоу и миссис Уинлоу.— голубая комната и гардеробная, горничная — маленькая коричневая. Мистер Джордж — белая комната. Миссис Джэспер Белью — золотая. Капитан — красная.

Генерал Пендайс — розовая, его слуга — мансарда, окнами во двор». Вот и все.

Грум, краснощекий парень, не слышал.

— Если жеребец мистера Джорджа в среду придет первым,— сказал он,— пять фунтов у меня в кармане. Кто прислуживает мистеру Джорджу?

— Джеймс, как всегда.

Грум свистнул.

— Надо у него узнать, какие шансы. А ты играешь?

Лакей продолжал свое:

— Вот еще один, на другой стороне. Фоксли — зеленая комната, правое крыло. Дрянь-человек. Себе — все, другим — ничего. Но стреляет что надо. За то его и приглашают.

Из-за темной стены деревьев вырвался поезд.

На платформу вышли первые пассажиры: два фермера с длинными палками, во фризových, балахонах, сутулясь, распространяя запах скотного двора и крепкого табака; за ними молодой человек с дамой, потом одинокие фигуры, держащиеся друг от друга поодаль,— гости мистера Пендайса. Не спеша покидая вагоны, они останавливались в их неясной тени и глядели прямо перед собой, точно боялись невзначай увидеть кого-нибудь из знакомых.

Высокий мужчина в меховом пальто (его жена, высокая стройная женщина, шла рядом, неся в руках маленькую шагреновую сумку, оправленную в серебро) обратился к кучеру:

— Здравствуйте, Бенсон. Мистер Джордж говорит, что капитан Пендайс будет с поездом в 9.30. Так что нам, пожалуй, лучше...

Вдруг, будто ветерок, ворвавшийся в холодное оцепенение тумана, прозвучал высокий, чистый голос:

— Благодарю, я поеду в коляске.

В сопровождении несущего плед лакея прошла дама под белой вуалью, сквозь которую ленивый взгляд высококордного Джеффри Уинлоу уловил блеск зеленоватых глаз; обернувшись на миг, она исчезла в коляске. И сейчас же в окне появилась ее головка за колышущимся шелком.

— Здесь хватит места, Джордж.

Джордж Пендайс вышел из тени и прыгнул вслед за ней. Скрипнул гравий, коляска укатила.

Джеффри Уинлоу обратился к кучеру, задрав голову:

— Кто это, Бенсон?

Кучер нагнулся, конфиденциально поднеся толстую, обтянутую белой перчаткой руку к уху Джеффри:

— Миссис Джэспер Белью, сэр. Жена капитана Белью из Сосен.

— Я думал, они все еще...

— Так оно и есть, сэр!

— А-а!

Спокойный, холодный голос донесся из-за дверцы кареты:

— Джеф!

Джеффри Уинлоу вслед за мистером Фоксли и генералом Пендайсом поднялся в карету, и снова раздался голос миссис Уинлоу:

— Вас не стеснит моя горничная? Подите сюда, Туксон!

Дом мистера Хорэса Пендайса, белый, вытянутый в длину, невысокий, занимающий удобное месторасположение в усадьбе, стал собственностью его прапрапрадеда благодаря союзу с последней представительницей рода Уорстедов. Первоначально прекрасные угодья сдавались небольшими участками арендаторам, которым никто не докучал особым вниманием и которые, получая поэтому хороший доход, исправно платили арендную плату; теперь хозяйство ведется по-новому, и с некоторым убытком. Время от времени мистер Пендайс покупает коров новой породы, птиц, пристраивает новый флигель к зданию школы. К счастью, его доходы не зависят от этого имени. Он правит в своих владениях при полном одобрении священника и местных властей и все-таки нередко жалуется, что его арендаторы почем-то не остаются на земле. Его жена — урожденная Тоттеридж. В его поместье прекрасная охота. И он — об этом можно и не упоминать — старший сын. Его индивидуальное мнение такое, что индивидуализм погубил Англию, и он поставил себе целью искоренить этот порок в характерах своих фермеров. Заменяя их индивидуалистические

наклонности собственными вкусами, намерениями, представлениями, пожалуй, можно сказать и собственным индивидуализмом, и теряя попутно немало денег, он с успехом доказывает на практике свою излюбленную мысль, что чем сильнее проявление индивидуализма, тем беднее жизнь общества. Если, однако, изложить ему дело подобным образом, он разразится гневными протестами, ибо считает себя не индивидуалистом, а «тори-коммунистом», как он выражается. Будучи сельским хозяином, он верит, что благополучие Англии зависит от налогов на ввозимый хлеб. Он частенько говорит: «Три-четыре шиллинга на хлеб — и мое поместье станет доходным».

Мистер Пендайс имеет и другие особенности, о которых нельзя сказать, что они индивидуальны. Он противник всяких перемен в существующем порядке вещей, любит все заносить в списки и бывает на вершине блаженства, когда удается завести разговор о себе или своей усадьбе. У него есть черный спаньель, которого зовут Джон, с длинной мордой и еще более длинными ушами. Мистер Пендайс собственноручно выкормил его, и теперь Джон не может прожить без хозяина ни минуты.

Наружность мистера Пендайса весьма старомодна, он строен и быстр, лицо в жиденьких бакенбардах; не сколько лет назад он отпустил усы, которые теперь висят, подернутые сединой. Носит фрак. Любит большие галстуки. Не курит.

Мистер Пендайс сидел во главе стола, уставленного цветами и серебром, между высокогородной миссис Уинлоу и миссис Джэспер Белью, и, пожалуй, трудно было бы сыскать более блестящих и более непохожих друг на друга соседок. Этих двух женщин, одинаково красивых, стройных и высоких, по прихоти природы разделяла пропасть, которую поджарый мистер Пендайс тщетно пытался заполнить. Невозмутимость, свойственная бледной расе английских аристократов, стыла круглый год в чертах миссис Уинлоу, холодных и прекрасных, как ясный морозный день. Безмятежное спокойствие ее лица тотчас убеждало, что эта женщина получила отменное воспитание. Невозможно представить себе эти черты, возмущенные хотя бы мимолетным чувством. Миссис Уин-

лоу впитала в кровь наставления своей няни: «Мисс Труда, не гримасничайте! Останетесь такой на всю жизнь!» И с того самого дня, когда были сказаны эти слова, лицо миссис Уинлоу, высокородной по собственному праву и по праву, полученному от мужа, ни разу не искажилось гримасой, даже и тогда, надо думать, когда на свет родился Уинлоу-младший. По другую руку от мистера Пендайса сидела загадочная, восхитительная миссис Белью, на чьи зеленые глаза лучшие представительницы ее пола взирали с инстинктивным неодобрением. Женщина в ее положении должна быть как можно незаметнее, а природа наделила ее такой яркой наружностью. Говорят, что она рассталась со своим мужем капитаном Белью и уехала из его поместья — это случилось в позапрошлом году — только потому, что они надоели друг другу. Ходят слухи к тому же, что она поощряет ухаживания Джорджа, старшего сына мистера Пендайса.

Леди Молден говорила миссис Уинлоу в гостиной перед обедом:

— И что находят в этой миссис Белью? Мне она всегда не нравилась. Женщина в ее положении должна быть осторожнее! Не понимаю, зачем ее пригласили сюда! Капитан Белью, ее муж, сейчас в Соснах, в двух шагах отсюда. Ведь ни гроша за душой. И не скрывает этого. Чуть только не авантюристка.

— Она приходится чем-то вроде кузины миссис Пендайс,— отвечала миссис Уинлоу,— Пендайсы в родстве решительно со всеми. Это так неудобно. Вечно кого-нибудь встречаешь...

Леди Молден продолжала:

— Вы были с ней знакомы, когда она еще жила здесь? Терпеть не могу этих любительниц верховой езды. Она и ее муж были отчаянная пара. Только и слышишь: ах, какой я взяла барьер, ах, какая горячая лошадь! Представьте, бывает на скачках, играет! По-моему, Джордж Пендайс влюблен в нее. В Лондоне их часто стали видеть вместе. Возле таких женщин вечно увиваются мужчины.

Сидя во главе стола, на котором у каждого прибора лежал листок меню, написанный аккуратным почерком старшей дочери, мистер Пендайс ел суп.

— Этот суп,— говорил он, обращаясь к миссис Белью,— напомнил мне о вашем дорогом отце; такой был охотник до него! Я очень его любил, замечательный был человек! По твердости характера он уступал только моему отцу, а мой отец был самым упрямым человеком во всех трех королевствах.

С уст мистера Пендайса нередко срывалось это «во всех трех королевствах», и даже когда он рассказывал о том, что бабка его по прямой линии происходит от Ричарда III, а дед—потомок известных корнуэльских великанов, один из которых — тут мистер Пендайс снисходительно улыбался — однажды быка через забор перебросил.

— Ваш отец, миссис Белью, был в высшей степени индивидуалист. Занимаясь сельским хозяйством, я не раз сталкивался с проявлениями индивидуализма и пришел к выводу, что человек с индивидуалистическими наклонностями всегда недоволен. У моих арендаторов есть все, что душе угодно, а все плохо, все не так. Вот возьмите фермера Пикока. Упрям, как осел, и дальше своего носа не видит. Само собой разумеется, я ему не потворствую. Только прояви слабость, начнет хозяйничать по старинке. Он хочет выкупить у меня ферму. Так и тянет их к этой порочной системе свободных йоменов. Говорит, еще дед мой пахал эту землю. Какая косность! Ненавижу индивидуализм; он губит Англию. Вам нигде не найти более крепких домов или хозяйственных построек, чем у меня. Я стою за централизацию. Вы, верно, слышали, что я называю себя «тори-коммунистом». Вот, по моему, какой должна быть партия будущего. А девиз вашего отца был: «Каждый за себя!» Имея дело с землей, с таким девизом далеко не уедешь. Хозяин и арендатор должны трудиться сообща... Вы едете с нами в Ньюмаркет в среду? У Джорджа отличный жеребец, будет бежать в Ратлендширском заезде! Он не играет, чему я очень рад. Больше всего на свете ненавижу игроков!

Миссис Белью искоса поглядела на хозяина дома, и на ее ярких, полных губах заиграла чуть заметная насмешливая улыбка. Но мистер Пендайс уже занялся супом. Когда он снова ощутил потребность говорить, миссис Белью беседовала с его сыном, и сквайр, чуть на-

хмурившись, повернулся к высокогородной миссис Уинлоу. Ее внимание было само собой разумеющимся, полным и немногословным; она не утруждала себя горячим сочувствием, не поддакивала заискивающе. Мистер Пендайс нашел в ней собеседницу по своему вкусу.

— Страна меняется,— говорил он,— меняется с каждым днем. Дворянские усадьбы теперь уж не те, что раньше. Огромная ответственность падает на нас, землевладельцев. Если мы погибнем, погибнет все.

В самом деле, что могло быть восхитительней, чем мирная сельская жизнь, которую вел в своей усадьбе Пендайс, ее хлопотливая бездеятельность, чистота, свежий воздух, тепло, благодатные запахи, полное отдохновение для ума, отсутствие всякого страдания — и этот суп — символ благоденствия, суп, сваренный из лучших кусков специально откормленных животных.

Мистер Пендайс считал эту жизнь единственно правильной жизнью, а тех, кто ее вел, единственно правильными людьми. Он видел свой долг в том, чтобы жить этой простой, здоровой, но и роскошной жизнью, когда рядом тучнеет для твоего блага всякая тварь, когда буквально купаешься в супе. Мысль о том, что в городах скучены миллионы людей, топчущих друг друга и вечно теряющих работу, и вообще вся эта городская скверна приводила его в расстройство. Не любил он и жизнь в пригородах, в этих домиках под шиферными крышами, своим плачевным однообразием навевающих тоску на человека с индивидуальным вкусом. И все же, несмотря на то, что все симпатии мистера Пендайса были на стороне сельской жизни, он вовсе не был богатым человеком, доход его чуть превышал десять тысяч в год.

Первая охота в этом сезоне — охота на фазанов — приурочивалась, как обычно, к ньюмаркетским скачкам, поскольку до Ньюмаркета было, к несчастью, рукой подать; и хотя мистер Пендайс не терпел азарта, он ездил на скачки и был не прочь прослыть за человека, любящего спорт ради самого спорта; немало он гордился и тем, что его сын так дешево купил прекрасного жеребца Эмблера и участвует в скачках спортивного интереса ради.

Состав гостей был тщательно обдуман. Справа от

миссис Уинлоу сидел Томас Брэндуайт (фирма Браун и Брэндуайт), занимавший видное положение в финансовом мире и к тому же имевший два поместья и яхту. Его продолговатое, изрезанное морщинами лицо, в густых усах, не меняло своего постоянного брюзгливого выражения. Он удалился от дел, но оставался членом правления нескольких компаний. Рядом с ним — миссис Хассел Бартер; на ее лице было трогательно-жалкое выражение, свойственное многим английским дамам, вся жизнь которых — постоянное служение долгу, и долгу нелегкому; их глаза тревожно блестят, щеки, когда-то цветущие, теперь буроватого оттенка от действия непогоды, их речь проста, ласкова, немного застенчива, немного пессимистична и в конечном итоге всегда полна оптимизма; вечно на их попечении дети, больные родственники, старики; они никогда не позволяют себе проявить усталость. К таким именно женщинам и принадлежала миссис Хассел Бартер, жена преподобного Хассела Бартера, который примет участие в завтрашней охоте, но на скачки в среду не поедет. По ее другую руку сидел Гилберт Фоксли, высокий мужчина с тонкой талией, узким, длинным лицом, крепкими, белыми зубами и глубоко посаженными колючими глазами. Он был одним из шести братьев Фоксли, обитающих в этом графстве. Они были желанными гостями всюду, где имелись изобилующие дичью заросли или необъезженные лошади, теперь, когда, по словам одного из них же: «Мало кто умеет стрелять и держаться в седле».

Не было зверя, птицы или рыбы, которую бы Фоксли не мог убить или поймать с одинаковым искусством и удовольствием. В упрек ему можно было поставить только одно — его весьма скромный доход. Он сидел подле миссис Брэндуайт, но не сказал с ней почти ни слова, предоставив ее вниманию генерала Пендайса, другого ее соседа.

Если бы Чарлз Пендайс родился годом раньше брата, а не годом позже, как случилось в действительности, он, естественно, был бы владельцем поместья Уорстед Скайнес, а Хорэс стал бы военным. Но Чарлз был младшим сыном, и в один прекрасный день он вдруг увидел себя генерал-майором. Теперь он был в от-

ставке и жил на пенсию. Третий брат, вздумай он появиться на свет, стал бы служителем церкви, получив наследственный приход, но он рассудил иначе, и приход достался отпрыску младшей линии. Хорэса и Чарлза нетрудно и спутать, если смотреть сзади. Оба худощавые, прямые, с немного покатыми плечами, только Чарлз Пендайс расчесывал волосы на прямой пробор через всю голову и в коленках его еще легких ног было заметно дрожание. Если взглянуть на братьев спереди, разница более бросалась в глаза. Генерал носил бакенбарды, расширявшиеся к усам, и в его лице и манерах была та внешне подчеркнутая, досадливая отчужденность, какая бывает у индивидуалиста, всю жизнь считавшего себя частью системы и под конец оказавшегося вне ее; утрата не была им осознана, но глухая обида шевелилась в душе. Он остался холостяком, не видя в браке для себя смысла, раз уж Хорэс опередил его на год; жил он со своим слугой на Пэл-Мэл неподалеку от своего клуба.

По другую руку от генерала сидела леди Молден; прекрасная женщина, и своего рода выдающаяся личность, прославившаяся чаями для рабочих, которые она устраивала в Лондоне во время сезона. Ни один рабочий не ушел с чая леди Молден, не проникшись к их устроительнице глубочайшим уважением. Леди Молден была из тех женщин, по отношению к которым невозможна никакая вольность, где бы они ни оказались. Она была дочерью деревенского священника. Имела прекрасный цвет лица, довольно крупный рот с плотно сжатыми губами, изящной формы нос, темные волосы. Эффектнее всего выглядела сидя, ибо ее ноги были коротковаты. Говорила громко, решительно и гордилась своей прямолинейностью. Своими реакционными взглядами на женщин ее супруг, сэр Джеймс, был обязан ей.

На другом конце стола высокородный Джеффри Уинлоу занимал хозяйку рассказами о Балканских провинциях, откуда только что воротился. Его лицо норманского типа, с правильными, красивыми чертами носило умное и ленивое выражение. Он держал себя просто и любезно и лишь изредка давал понять, что сам все знает и ни в чьих поучениях не нуждается. Родовое поместье его отца, лорда Монтроссора, находилось в шести

милях от Уорстед Скайнеса; и ему предстояло рано или поздно занять место своего отца в Палате Лордов.

Рядом с ним сидела миссис Пендайс. В глубине столовой, над столиком с закусками висел ее портрет, и хотя писал его модный художник, ему удалось схватить неуловимое очарование, какое и теперь, двадцать лет спустя, было в ее лице. Миссис Пендайс уже немолода, ее темные волосы тронуты сединой, но до старости еще далеко: она вышла замуж девятнадцати лет, и теперь ей пятьдесят два года. У нее узкое, длинное лицо, очень бледное, темные брови дугой всегда чуть приподняты. Глаза темно-серые, порой совсем черные, оттого что зрачки от волнения расширяются, ее верхняя губка чуть коротка, а в выражении рта и глаз трогательная мягкость и доверчивое ожидание чего-то. Но не это составляло ее особое очарование. На всем ее облике лежала печать внутреннего убеждения, что ей никогда ни о чем не надо просить, печать интуитивной веры, что весь мир в ее распоряжении. Эта особенность выражения и длинные прозрачные пальцы напоминали вам, что она урожденная Тоттеридж. Плавная, неторопливая речь с небольшим, но приятным дефектом, манера глядеть чуть прищурившись подкрепляли общее впечатление. На ее груди, в которой билось сердце истинной леди, вздымались и опадали прекрасные старинные кружева.

На другой стороне стола сэр Джеймс Молден и Би Пендайс, старшая дочь, говорили о лошадях и охоте — Би редко по собственному выбору заводила разговор о чем-нибудь ином. Ее личико было приветливо и приятно, но не красиво. Сознание этого стало ее второй натурой, делало ее застенчивой и всегда готовой помочь другим.

У сэра Джеймса были небольшие седые бачки, живое морщинистое лицо. Он происходил из старинного кентского рода, переселившегося в свое время в Кембриджшир, его рощи изобиловали дичью, он был мировой судьей, полковник территориальных войск, ревностный христианин и гроза браконьеров. Держался отсталых взглядов по некоторым вопросам, как уже упоминалось, и побаивался жены.

Слева от мисс Пендайс — преподобный Хассел Бар-